
ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ББК 60.541.4

А. Ю. Казакова

«СОЦИАЛЬНОЕ ДНО»: КРИЗИС ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ГЛУБИНЫ ДЕЗАДАПТАЦИИ

По итогам личного раздаточного тест-анкетирования, проведенного нами в 2012 г. в целях сравнительного анализа состояния аутсайдеров, дифференцированных по признакам пола и возраста, в обычных условиях и в условиях групповой изоляции в качестве клиентов социальных служб, воспроизводится картина утраты идентичности. Выяснилось, что факторами, разрушающими гендерную идентичность, становятся социализация в интернатных условиях, длительное подавление базовых потребностей, удовлетворение которых само по себе не способно «восстановить» гендер, и стигматизация со стороны «большого» общества. При этом мужская идентичность обладает большей сопротивляемостью, чем женская, но лишь вне режима групповой изоляции, предполагающей «селекцию» по признаку-стигме. Кризис гендерной идентичности указывает на глубину дезадаптации либо является показателем отклонения траектории первичной социализации от нормативной модели, что, в свою очередь, способно стать фактором дезадаптации и нисходящей мобильности личности.

Ключевые слова: маргинальность, социальная идентичность, гендерная идентичность, социальная изоляция, групповая дезадаптация, социальная смерть.

A. Y. Kazakova. "Social bottom": the crisis of gender identity as an indicator of the depth of disadaptation

According to the results of a personal handout test survey conducted in 2012 for comparative analysis of outsiders, differentiated by gender and age, in normal conditions and in conditions of group isolation as clients of social services, the loss of identity picture is reproduced. We have found that the factors destroying gender identity were socialization in institutions, long-term suppression of basic needs, the satisfaction of which is not in itself able to "restore" gender and stigma from the "big society". Adolescents with disabilities in boarding schools produce psychological, based on the similarity of interests,

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 49–59

© Казакова А. Ю., 2015

Казакова Анна Юрьевна — кандидат социологических наук, методист МБОУ ДПО «Информационно-методический центр», г. Калуга, Россия, kazakova.a.u@yandex.ru (Cand. Sc., methodologist of Information and Methodological Center, Municipal Budgetary Institution of Further Vocational Education, Kaluga, Russia).

hobbies, musical tastes of primary groups, identity. It is also used in demographic identification on the basis of age. An unsupervised adolescent makes social identity based on occupation in formal groups (school), and age. Masculine identity in terms of being “at the bottom” is constructed by being included in underprivileged but not stigmatized low-income group. Women outsiders consistently demonstrate communicative strategy of refusal to identify themselves as a marginal identity. It is experienced by them, apparently, more painfully than it is by men. While male identity has more resistance than the female, but only out of the isolation mode, suggesting a selection on the basis of the stigma. Depersonalization is an integral part of incarceration. The crisis of gender identity refers to the “depth” of maladjustment or is a measure of the deviation of the trajectory of the primary socialization from normative models that, in turn, can become a factor of exclusion and downward mobility of the individual. The gender identity loss becomes a kind of “point of no return” — the marker of the moment when a long process of social exclusion and reintegration of personality on “the bottom” is finally replaced by a stage of “social death”.

Key words: marginality, social identity, gender identity, social isolation, group disadaptation, social death.

Гендерный компонент социальной идентичности — один из первичных, формирующийся рано (от 2 до 7 лет [Kohlberg, 1966: 93]), дифференцированно (в 5—7 лет у мальчиков и 3—8 лет у девочек [Захаров, 1982: 67]), стадийно, когда завершающая фаза отодвигается к юношескому возрасту [Ижванова, 2004], началу половой жизни или беременности (теоретическое обоснование данной стадии дает, например, Д. Пайнз [Пайнз, 1997], эмпирический разбор классовой дифференциации обретения женской идентичности осуществляет А. В. Белова [Белова, 2006: 56—57]). Проявляя себя как кросс-ситуативный регулятор поведения личности, т. е. реализующийся в широком, хотя и конечном, «личном диапазоне пригодности» [Келли, 2000: 93—95], он обеспечивает личностную устойчивость и непрерывность в ситуациях социальной нестабильности, в переходном статусе, в условиях изменения привычной жизненной среды [Иванова, 2009: 99]. Асексуальность и транссексуальность на уровне внешнем, психологическом, физиологическом, социальном являются либо основаниями стигматизации (как в случае сексуальных меньшинств [Матевосян] или профессиональных сообществ, формирующихся вопреки традиционным гендерным ролям: мужчина-парикмахер, женщина-солдат [Решетникова, Туринцева, 2014], в случае резкого и неустранимого несоответствия актуальному эстетическому образцу [Millman, 1980]), либо средствами символического маркирования маргинальности [Затулий, 2006], либо последствиями маргинализации личности (как в случае застарелых химических аддикций).

Крайний случай дезадаптации — деградация личности, «социальная смерть», а в пределе — и смерть биологическая [Ворошилин, 2011]. Поэтому методологически именно «социальное дно» и придонные слои позволяют отметить экстремальные проявления целого ряда типических процессов, характерных и для нормативно-нормального большинства, но реализующихся в этом случае менее выражено, в смягченной форме.

Картину утраты идентичности мы воспроизводим по итогам личного раздаточного тест-анкетирования, проведенного нами в 2012 г. в целях сравнительного анализа состояния аутсайдеров, дифференцированных по признакам пола и возраста, в уличных условиях и в условиях групповой изоляции в качестве клиентов социальных служб. Критерий отбора на улице, помимо внешнего вида, — сбор подавания и публичное распитие спиртных напитков; для детей также — самый факт пребывания на улице в «комендантские» часы без сопровождения взрослых. Авторский инструментарий включал методику оценки склонности к отклоняющемуся поведению А. Н. Орла, которой предусмотрена шкала принятия женской социальной роли; методику завершения неоконченного предложения «Группа, к которой я принадлежу, ___»; закрытые вопросы о субъективной оценке степени группового и личного благополучия, а также о характере темпоральных переживаний собственной ситуации как рутинно неизменной, неконтролируемо изменчивой или сознательно управляемой. Выборка — квотно-типологическая с двумя ступенями отбора, $n = 166$ (табл. 1).

Таблица 1

Структура выборки, чел.

Возраст респондента, лет	ШИ ¹		ДИ ²		СРЦ ³		Улица	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Не указан	1	0	0	0	0	0	0	0
До 18	9	16	0	0	0	0	16	4
18—39	0	0	0	1	1	4	9	8
40—60	0	0	0	9	15	18	10	7
61+	0	0	19	11	4	2	1	1
<i>Всего</i>	10	16	19	21	20	24	36	20

¹ Калужская областная школа-интернат для слабослышащих детей.

² Калужский областной дом-интернат для престарелых и инвалидов.

³ Калужский областной социально-реабилитационный центр для лиц без определенного места жительства и занятий (*бомж* и *з*).

Теоретическое обоснование специфики социальной идентичности представителя «социального дна» обнаруживается в традиции социологического изучения роли «чужака», начало которой положили работы Г. Зиммеля. «Чужак» портретируется как измененный нарушением традиционной организации общества, соприкосновением с инокультурной средой тип личности, эмансипированной от норм, обычаев, традиций группы. Рушится старая идентичность, отрыв от привычного круга ролевых партнеров ведет к ослаблению связей с социумом. Пребывание в переходном статусе сопряжено с особым состоянием «сепарационной тревоги» и вызывает настойчивый поиск новой идентичности. Поэтому за ним следует либо интеграция в новый социальный порядок, либо идентификация с собственно маргинальным типом, что обеспечивает закрепление на периферии социального пространства [Козер, 1994].

Именно такую ситуацию мы наблюдаем у групп социальной эксклюзии: идентификаций мало, во многих случаях она отсутствует вовсе.

Общее распределение между демографическими группами средних баллов оценки благополучия, роли собственных усилий в формировании будущего и критериев групповой идентификации показано в табл. 2.

Таблица 2

Идентификации респондентов

Подгруппа	Критерий групповой идентификации	Идентификация, баллы					Количество идентификаций
		Благополучие группы ¹	Личное благополучие ²	Причины личной мобильности ³	Жилье ⁴	Возраст	
ШИ							
ж	Интересы, хобби, склад ума	3,27	3,00	2,87	2,00	16,19	0,63
м	Возраст, первичные связи, интересы	3,33	3,11	3,56	2,00	16,13	0,89
ДИ							
ж	Род занятий, физические характеристики, пол	1,65	1,67	1,24	1,00	59,57	0,95
м	Род занятий	1,79	1,55	1,35	1,00	68,68	1,00
СРЦ							
ж	Жилищный статус	1,43	1,67	1,54	0,00	49,83	0,50
м	То же	1,40	1,65	3,00	0,00	53,25	1,00
Улица							
ж до 18	Род занятий, пол	3,00	2,00	1,50	2,00	13,50	2,00
м до 18	Род занятий, возраст, физические характеристики	2,38	1,94	1,80	1,25	14,50	1,00
ж 18—39	То же	2,13	2,50	2,25	1,25	30,00	0,00
м 18—39	Уровень жизни	2,00	2,00	2,11	1,33	32,10	1,00
ж 40+	То же	2,13	2,63	1,25	1,25	49,38	0,00
м 40+	»	2,00	2,36	1,81	1,27	49,20	1,00

^{1, 2, 3} Баллы: 1—4.

⁴ Баллы: 0 — отсутствие жилья, 1 — институциональное жилье, 2 — жилье в собственности семьи.

Способность формировать и поддерживать позитивную идентичность связана с оценкой жизненной ситуации в целом [Климов, 2001: 65], а наши респонденты депривированы по целому ряду признаков (табл. 3).

Таблица 3

Корреляты личного и группового благополучия

Фактор	Субъективное благополучие (коэффициент корреляции Пирсона)	
	групповое	личное
Пол	-0,05	-0,09
Возраст	-0,61	-0,58
Наличие и качество жилья	0,41	0,69

Максимальна депривация лиц *бомж* и одиноких пенсионеров. Независимо от пола, они определяют себя лишь как клиентов социальной службы: *бомж* и *пенсионер*. При этом если в первом случае сама аббревиатура нейтрализует грамматическую категорию, то во втором примечательно, что и женщины при самокатегоризации используют почти исключительно форму мужского рода. Из 21 респондентки в доме-интернате 15 определяют себя как *пенсионера* (мужской род), три женщины — как *инвалида* (общий род) и лишь одна — как *пенсионерку*.

Однако возникает вопрос, почему из доступных компонентов социальной идентичности респонденты оперируют лишь одним. Безусловно, в силу выключенности из общественного производства вместе с профессиональными навыками утрачивается и профессиональная идентичность; человек, не имеющий жилья, семьи, не может соотнести себя с территориально-поселенческой общностью или родственной группой. Но и при этом остается возможность актуализации этноконфессиональной, возрастной, классовой, гендерной принадлежности как доступных вариантов «ретроидентификации» [Кастельс, 2000: 14].

Их отсутствие на практике мы связываем с феноменом групповой изоляции. В пользу этого говорит тот факт, что в условиях улицы все взрослые респонденты, объективно принадлежащие к лицам без определенного места жительства, избегают такой идентификации, определяя себя как *малоимущих*, что позволяет поддерживать более позитивную идентичность, чем стигматизированная категория *бомж*.

Деперсонализация новичка пенитенциарных заведений, психбольниц, интернатов отмечалась исследователями «карцерных организаций» М. Фуко, А. Этциони, И. Гоффманом [Goffman] и ранее. Однако наши данные, по-видимому, указывают, что деперсонализация сопровождает инкарцерацию всегда, а не только в случаях, когда последняя совершается недобровольно и расценивается новичками как ухудшение жизненной ситуации.

Деперсонализация взрослого аутсайдера настолько глубока, что не активизируется даже идентичность психологическая, которая значительно более устойчива, чем социальная идентичность, и потому способна выполнять функцию психологической защиты в ситуации нестабильности и кризиса. Именно она, опережая возрастную и семейную, доминирует у учащихся школы-интерната. Ни один из них не соотносит себя с институтом образования,

ни одна — в отличие от сверстниц с улицы — не использует грамматических форм женского рода, маркирующих осознание гендера (*школьница, учащаяся*), никто не упоминает свой физический статус. Подчеркнутое и абсолютное для всей группы нежелание формировать идентичность на основе болезни, физических дефектов, несмотря на то, что именно это составляет основание группового членства, резко отличает ее и от сверстников (есть самоопределения *инвалид*), включенных пусть в неблагополучную, но широкую социальную среду, и от взрослых клиентов социальных служб, для которых «пациентная», объективная идентификация является единственной. Психологическая защита от негативной идентичности реализуется за счет апелляции к индивидуальным особенностям: «группа, к которой я принадлежу» — *творческая, спортсмены, меломаны, люди, обладающие абстрактным мышлением*.

Только здесь вербализована позитивная идентичность (группа... *самая лучшая*). Подростки из интерната чаще всех считают себя творцами собственной судьбы, значительно опережая в этом уличных сверстников, почти всегда высоко оценивая уровень и группового благополучия (среднее — 3,29, дисперсия — 0,3), и особенно личного (среднее — 3,04 при самом низком во всей выборке значении дисперсии — 0,04). Однако с учетом того, что это единственная группа, где вербализуется отрицание какой бы то ни было групповой принадлежности (*никакая*), доминирует первичная идентификация с семьей, где элементы социальной идентификации ограничиваются возрастными группами (*молодежь*), можно говорить о том, что уличные подростки более успешно формируют социальную идентичность, основанную на роде занятий (*учащийся*) и формальном членстве (*школа*).

Итак, существование вне учреждений «тотального типа» дает большее пространство самоидентификаций. Первичная социализация в условиях групповой изоляции препятствует формированию социальной идентичности, обеспечивая личность малым числом конструктивных элементов: первичными связями, индивидуальными вкусами и интересами. Инкарцерация ресоциализированных «на дне» взрослых аутсайдеров приводит к полной утрате и социальной, и личной идентичности. Ее можно было бы считать временной психологической реакцией на «пациентную» ситуацию, которую можно преодолеть в последующей психосоциальной реабилитации, если бы не одинаковая картина у лиц *бомж* и *з*, находящихся в условиях групповой изоляции временно, и клиентов дома-интерната для престарелых и инвалидов, проживающих там постоянно.

Количество случаев, при которых респондент оказывался не в состоянии совершить акт любой идентификации (речь идет именно о невозможности или нежелании, т. к. опросные бланки с большим количеством пропусков выбраковывались), — 39. F-тест показывает, что разница двух совокупностей (совершивших и не совершивших идентификацию) существенна, не случайна (значение f-коэффициента 0,002 при $\alpha = 0,05$). Подавляющее большинство пропусков (36) допущено женщинами.

Сильная зависимость идентификаций от пола подтверждается коэффициентами ассоциации и контингенции, приведенными (в сравнении с признаком наличия/отсутствия жилья) в табл. 4.

Таблица 4

Связь наличия идентификации с полом и наличием жилья

Жилье	Идентификация		Пол	Идентификация	
	Есть	Нет		Есть	Нет
Отсутствие	82 чел.	21 чел.	м	82 чел.	3 чел.
Наличие	45 чел.	18 чел.	ж	45 чел.	36 чел.
k ассоциации	0,22		k ассоциации	0,91	
k контингенции	0,09		k контингенции	0,48	

Гендерные различия проявляются также в количестве идентификаций — у мужчин их больше (корреляция Пирсона 0,38) — и в несколько большей у мужчин, чем у женщин (корреляция Пирсона 0,23), уверенности в управляемости происходящих в их жизни изменений. Максимально высокую уверенность в ней показывают лишь 5 % респондентов, преимущественно мальчики — учащиеся школы-интерната (5 чел.) и мужчины-аутсайдеры (2), опрошенные на улице. Минимальную уверенность показывают: среди учащихся — 1 (девочка), среди клиентов СРЦ — 15 (все женщины), среди клиентов ДИ — 17 женщин и 13 мужчин, среди опрошенных на улице — 16 мужчин и 10 женщин.

И в целом по выборке, и внутри каждой из подгрупп женская идентичность, по-видимому, отличается большей, в терминологии Э. Эриксона [Эриксон, 1996: 10—14], «прерывностью», снижением активно-субъектного начала. Хотя в ходе нормальной первичной социализации, отмечают психологи, формирование гендерной идентичности у мальчиков является более трудным процессом, поскольку при успешном преодолении исходного симбиоза с матерью «в мальчике поселяется постоянная внутренняя бдительность», которая удерживает его от потери своих достижений в мужественности или не позволяет им ослабеть; «мужчины куда более воинственно защищают свою мужественность, нежели женщины свою женственность» [Матевосян].

Еще в 2011 г., оценивая связь жилищных условий со степенью выраженности девиантного поведения, по итогам применения теста склонности к отклоняющемуся поведению мы выявили достаточно сильную обратную связь (–0,47) принятия женской социальной роли и масштабов изменения жилищных условий (и в целом социальной ситуации личности) [Казакова, Калининченко, 2012]. Очень важно, что эта тенденция касается как «социального дна», так и нормативно-нормальных слоев и не зависит от вектора изменений, т. е. для сохранения фемининности необходима ситуация достаточно высокой социальной стабильности; чем субъективно резче воспринимается масштаб восходящей или нисходящей мобильности, тем меньше степень гендерной идентификации.

В нашем случае о стабильности жизненной ситуации говорят 44 респондентки — 55 % всех женщин в выборке, средний балл оценки личного благополучия у них при этом составляет 1,7 из возможных 4. Коэффициенты ассоциации и контингенции подсказывают, что гендерной идентификации способствует не столько оценка личной успешности на фоне группы, сколько субъективное благополучие группы в целом как гарантия стабильности (табл. 5).

Таблица 5

Благополучие и гендер

Гендерная идентификация, n = 81			Гендерная идентификация, n = 78, 3 пропуска		
Личное благополучие	Есть	Нет	Групповое благополучие	Есть	Нет
Высокое	3 чел.	31 чел.	Высокое	4 чел.	16 чел.
Низкое	3 чел.	44 чел.	Низкое	1 чел.	57 чел.
k ассоциации	0,17		k ассоциации	0,87	
k контингенции	0,05		k контингенции	0,33	

В 2012 г. применение методики СОП показало, что во всех социально-изолированных группах (как в условиях групповой изоляции на базе институциональных учреждений социальной поддержки, так и вне ее) женщины демонстрируют более устойчивые аддикции, а с возрастом девиантная направленность личности в целом у женщин проявляется намного сильнее и последовательней, чем у мужчин, по целому ряду показателей. Во всей совокупности опрошенных нет ни одной респондентки с высоким уровнем принятия женской социальной роли; самые низкие баллы наблюдаются в уличной группе старше 18 лет (1,2) и в группе клиенток СРЦ для лиц *бомж* и з (1,3). У девочек же, обучающихся в школе-интернате, и пенсионерок баллы одинаковы (2,0). Это дает основания предположить, что в условиях социальной изоляции принятие женской роли на уровне поведения имеет тенденцию незначительно расти.

Вместе с тем на вербальном уровне (помимо грамматических форм) ни одна подгруппа респондентов не оперирует гендерными идентификаторами: номинации «мужчина/женщина» и прочие обозначения традиционных гендерных ролей (мать, сын своих родителей и др.) отсутствуют. Это резко отличает группы социальной эксклюзии от представителей нормативно-нормального большинства, при опросе которых с помощью методик «10 Я» или «Кто я?» (в качестве иллюстрации к понятию идентичности для студенческих групп, изучающих дисциплину «Социология») около четверти реакций неизменно составляют гендерные идентификаторы (жена, женщина/мужчина и др.). Причину этого мы видим в явлении стигматизации «социального дна», которое для конформного населения выступает как негативный эталон, позволяющий поддерживать собственную позитивную идентичность даже в неблагоприятной ситуации. Как показал в 2005 г. тест свободных ассоциаций со словом-стимулом *бомж*, проведенный нами в рамках работ по гранту РГНФ на тему «Бомж и безнадзорный: объект и субъект общественного мнения как доминанты его направленности», все опрошенные подчеркивают потерю человеческого облика, близость к животному состоянию и бесполость (*человекообразное, непонятное существо, оно, все-таки человек и не человек*). Более того, сами лица *бомж* обоих полов подчеркивают утрату личностного начала, негативный образ Я и отторжение от собственной телесности.

Применение методики оценки склонности к отклоняющемуся поведению и в 2011, и в 2012 гг. показало, что уровень автоагрессии в условиях групповой изоляции не только не снижается, но даже растет, и уровень ее выше у женщин.

Таким образом, факторами, разрушающими гендерную идентичность, становятся социализация в интернатных условиях, длительное подавление базовых потребностей, удовлетворение которых само по себе не способно восстановить гендер, и стигматизация со стороны «большого» общества. При этом мужская идентичность обладает большей сопротивляемостью, чем женская, но лишь вне режима групповой изоляции, предполагающей «селекцию» по признаку-стигме.

Кризис гендерной идентичности указывает на глубину дезадаптации либо является показателем отклонения траектории социализации от нормативной модели, что, в свою очередь, способно стать фактором дезадаптации и нисходящей мобильности личности. Утрата гендерной идентичности становится своего рода «точкой невозврата» — маркером момента, когда длительный процесс социальной дезадаптации и ресоциализации личности «на дне» окончательно сменяется стадией «социальной смерти».

Библиографический список

- Белова А. В.* Девичество российской дворянки XVIII — середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // *Женщина в российском обществе*. 2006. № 4. С. 45—63.
- Ворошилин С. И.* Расстройства половой идентификации и суицидальное поведение // *Суицидология*. 2011. Т. 2, № 2. С. 3—11.
- Затулий А. И.* Костюмообразы маргиналов: о модных тенденциях конца XX — начала XXI века // *Текстильная промышленность*. 2006. № 8. С. 30—36.
- Захаров А. И.* Психологические особенности восприятия детьми роли родителей // *Вопросы психологии*. 1982. № 1. С. 59—68.
- Иванова С. П.* Психологическая устойчивость личности как фактор противодействия негативным влияниям социальной среды в ранней юности и молодости // *Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки*. 2009. № 9. С. 99—107.
- Ижванова Е. М.* Развитие полоролевой идентичности в юношеском и зрелых возрастах: дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. URL: <http://www.dslib.net/psixologia-razvitja/razvitie-polorolevoj-identichnosti-v-junosheskom-i-zrelyh-vozzrastah.html> (дата обращения: 24.03.2015).
- Казакова А. Ю., Калиниченко О. Ю.* Социальные и социально-психологические факторы девиантного поведения лиц с различной жилищно-ресурсной обеспеченностью // *Вестник новых медицинских технологий*. 2012. Т. 19, № 1. С. 217—219.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
- Келли А. Дж.* Королларий о диапазоне // *Келли А. Дж. Теория личности*. СПб.: Речь, 2000. С. 93—97.
- Климов И. А.* Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // *Трансформация идентификационных структур в современной России: научные доклады*. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 54—81.
- Козер Р.* В защиту модерна: ролевая сложность и индивидуальная автономия: (введение) // *Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература*. Сер. 11: Социология: реферативный журнал / ИНИОН РАН. 1994. Вып. 4.

- Матевосян С. Н. Половая идентичность и ее девиации: (обзор психоаналитической литературы). URL: <http://www.moscom-psy.com/articles/139/> (дата обращения: 24.03.2015).
- Пайнз Д. Бессознательное использование женщиной своего тела: психоаналитический подход. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и Б.С.К., 1997. 198 с.
- Решетникова Е. В., Туринцева Е. А. Женщина в армии // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/2/Reshetnikova_Turintseva_Women-Military/ (дата обращения: 24.03.2015).
- Эриксон Э. Г. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Ленато: АСТ: Фонд «Унив. книга», 1996. 592 с.
- Goffman E. On the characteristics of total institutions // Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. URL: <http://www.twirpx.com/file/611184/> (дата обращения: 24.03.2015).
- Kohlberg L. A cognitive-developmental analysis of children's sex-role concepts and attitudes // *The Development of Sex Differences* / ed. by E. E. Maccoby. Stanford (CA): Stanford University Press, 1966. P. 82—173.
- Millman M. *Such a Pretty Face: Being Fat in America*. New York: W. W. Norton Co., 1980. 276 p.

References

- Belova, A. V. (2006) Devichestvo Rossijskoj dvorianki XVIII — serediny XIX veka: telesnost', seksual'nost', gendernaia identichnost' [Girlhood Russian noblewoman XVIII — middle of XIX century: corporeality, sexuality, gender identity], *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, № 4, pp. 45—63.
- Castell's, M. (2000) *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture], Moscow: GU VShE.
- Coser, R. (1994) V zashchitu moderna: rolevaia slozhnost' i individualnaia avtonomiia: (Vvedenie) [In defense of modernity: role complexity and individual autonomy: (The introduction)], *Sotsialnye i gumanitarnye nauki: Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura, seriia II, Sotsiologiya: Referativnyi zhurnal, INION RAN*, vypusk 4.
- Èrikson, E. G. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society], St. Petersburg: Lenato, АСТ, Fond "Universitetskaia kniga".
- Goffman, E. On the characteristics of total institutions, in: Goffman, E., *Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates*, available from <http://www.twirpx.com/file/611184/> (accessed 24.03.2015).
- Ivanova, S. P. (2009) Psikhologicheskaja ustoičivost' lichnosti kak faktor protivodejstviia negativnym vliianiam sotsialnoj sredy v rannej iunosti i molodosti [Psychological stability of personality as a factor counteracting the negative influences of the social environment in early adolescence and young], *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Sotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki*, no. 9, pp. 99—107.
- Izhvanova, E. M. (2004) *Razvitie polorolevoj identichnosti v iunosheskom i zrelykh vozrastakh: Dis. ... kand. psikhol. nauk* [Development of gender identity in youth and adulthood: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow, available from: <http://www.dslib.net/psixologia-razvitja/razvitie-polorolevoj-identichnosti-v-junosheskom-i-zrelyh-vozrastah.html> (accessed 24.03.2015).

-
- Kazakova, A. Iu., Kalinichenko O. Iu. (2012) Sotsial'nye i sotsial'no-psikhologicheskie factory deviantnogo povedeniia lits s razlichnoi zhilishchno-resursnoi obespechennost'iu [Social and socialpsychological factors of the deviation of people of different living conditions], *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii*, vol. 19, no. 1, pp. 217—219.
- Kelly, A. J. (2000) Korollariï o diapazone, in: Kelly A. J. *Teoriia lichnosti*, St. Petersburg: Rech, pp. 93—97.
- Klimov, I. A. (2001). Psikhosotsial'nye mekhanizmy vozniknoveniia krizisa identichnosti [Psychosocial mechanisms of crisis of identity], in: *Transformatsiia identifikatsionnykh struktur v sovremennoi Rossii: Nauchnye doklady*, Moscow: Moscovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, pp. 54—81.
- Kohlberg, L. (1966) A cognitive-developmental analysis of children's sex-role concepts and attitudes, in: Maccoby, E. E. (ed.), *The development of sex differences*, Stanford (CA): Stanford University Press, pp. 82—173.
- Matevosian, S. N. *Polovaia identichnost' i ee deviatsii: (Obzor psikhoanaliticheskoi literatury)* [Gender identity and its deviation: (Review of the psychoanalytic literature)], available from: <http://www.moscom-psy.com/articles/139/> (accessed 24.03.2015).
- Millman, M. (1980) *Such a Pretty Face: Being Fat in America*, New York: W. W. Norton Co.
- Pines, D. (1997) *Bessoznatel'noe ispol'zovanie zhenshchinoi svoego tela: Psikhoanaliticheskii podkhod* [A woman's unconscious use of her body: A psychoanalytical perspective], St. Petersburg: Vostochno-Evropeskii institute psikhoanaliza i B. S. K.
- Reshetnikova, E. V., Turintseva, E. A. (2014) Zhenshchina v armii [A woman in the army], in: *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, available from http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/2/Reshetnikova_Turintseva_Women-Military (accessed 24.03.2015).
- Voroshilin, S. I. (2011) Rasstroïstva polovoï identifikatsii i suitsidal'noe povedenie [Gender identity disorders, and suicidal behavior], *Suitsidologiya*, vol. 2, no. 2, pp. 3—11.
- Zakharov, A. I. (1982) Psikhologicheskie osobennosti vospriiatiia det'mi roditel'ei [Psychological peculiarities of the perception of children as parents], *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 59—68.
- Zatulii, A. I. (2006) Kostiumoobrazy marginalov: o modnykh tendentsiakh kontsa XX — nachala XXI veka [Costume images of marginals: fashion trends of the late XX — early XXI century], *Tekstilnaia promyshlennost'*, no. 8, pp. 30—36.